

По-русски и по-шведски

Наш знаменитый математик Софья Ковалевская стала в 1884 году приват-доцентом, а в 1889 году — ординарным профессором математики стокогльмской Высшей школы (позднее — Университет). Она умерла и похоронена в Стокгольме. В стокогльмском университете по сей день существует должность «профессора Софьи Ковалевской», которую занимают выдающиеся математики.

Школа имени Софьи Ковалевской основана в Стокгольме в 1996 году. Как и во всех общеобразовательных школах страны, в ней девять классов. Профилирующие дисциплины: математика, шахматы и русский язык. Об этой во многих отношениях уникальной школе с ее директором Ариной Мосягиной беседует журналист русской редакции «Радио Швеция» Ирина Макридова. Помимо родного русского, английского и шведского, Арина Мосягина владеет еще и финским языком. За плечами у директора школы два университета — Петрозаводский и Стокгольмский. Арина — мать троих детей, двое из которых учатся в школе имени Софьи Ковалевской.

Ирина Макридова. «Соня Ковалевский скула» — так произносится по-шведски название этой школы — относится к числу так называемых свободных, или независимых, школ. В чем их особенность?

Арина Мосягина. В Швеции три типа школ: коммунальные (ближайшие к месту жительства детей), свободные и еще частные. Частные школы существуют на родительские деньги, а коммунальные и независимые обеспечиваются государством: на каждого школьника полагается определенная сумма, которая выплачивается той школе, куда он ходит. Закон о государственном финансировании независимых школ был принят не так давно, в 1991 году, в результате многолетней борьбы этих школ за финансовое равноправие с муниципальными.

Традиционно, или исторически, первыми школами, которые отличались от общеобразовательных, были школы с религиозной направленностью, потом стали появляться школы с особым типом педагогики и школы этнических меньшинств.

И. М. Каков диапазон таких школ в сегодняшней Швеции?

А. М. Это, прежде всего, школы с иной религиозной направленностью. Раньше других появились школы католические (в лютеранской Швеции церковь была отделена от государства только в 2000 году.) Теперь есть школы, где изучают ислам (в Швеции, кстати, живет около полумиллиона мусульман); правда, эти школы сами все чаще отказываются от того, чтобы называться мусульманскими.

Далее, это школы, выбирающие особую педагогическую систему. Наиболее известны вальдорфские, а также школы Монтессори (такие школы и детские сады есть, как я знаю, и в России) и Эллен Кей. (Эта шведская писательница, борец за эмансипацию женщин и педагог, дружила, кстати, с Софьей Ковалевской и переписывалась с ее дочерью, когда та вернулась в Россию.)

Есть, конечно, и языковые школы. Есть и такие школы, в которых, в отличие от слишком либеральных коммунальных школ, делается акцент, как ни странно это может прозвучать, на приобретении знаний. Крупные объединения вкладывают миллионы в полную реставрацию, например, брошенного фабричного здания, превращая его в центр знаний, оборудованный по последнему слову техники. Выглядят такие школы великолепно, родители охотно отдают туда своих детей, но в итоге — переполненные классы (что, увы, мешает осуществлению заявленных целей). Львиная доля ответственности лежит здесь на самих учениках и их родителях: школа предлагает концепцию, а уж дальше ребенок должен заниматься самостоятельно.

И. М. Прежде чем задать следующий вопрос, хочу добавить для российских читателей, что подавляющее большинство детей ходят в коммунальные школы. В независимые — менее 1 процента. А в частные, за учебу в которых родителям приходится платить из собственного кармана, — и того меньше. Кстати, ни один швед не ответит утвердительно на вопрос, бесплатное ли у них в стране школьное обучение: «Конечно, нет. Мы все платим за школу своими налогами». Так что обучение в коммунальных и независимых школах для них не бесплатное, а «свободное от прямых родительских взносов». Теперь я могу спросить свою собеседницу: где же тут независимость, если школа зависит от государственных субсидий и, наверное, от обязательного учебного плана?

А. М. Подавая ходатайство об открытии школы, можно составить свой учебный план, но пробить его нелегко, на получение поддержки у властей уходят годы. Гораздо проще ничего не предлагать, а указать лишь, что программа следует общему учебному плану. Потому что его рамки довольно широки, и внутри них школы обладают значительной степенью свободы. Есть, например, почасовой план: какое количество часов прихо-

дится на каждый предмет. Но школа может сама решить, как распределить эти часы за время обязательного девятилетнего обучения. К тому же все чаще слышатся предложения вообще отказаться от почасового плана и дать возможность школам самим решать, какие предметы и в каком объеме будут изучаться. Несколько школ уже так работают, надо дождаться анализа результатов.

И. М. И чем ваша школа, так сказать, заманивает родителей?

А. М. Если коротко, то углубленным изучением математики, шахмат, а также русского языка. Но уникальность школы останется непонятной, если я не произнесу то, что в Швеции произнести невозможно, до такой степени это противоречило бы требованиям политкорректности. У нас очень хорошо научились помогать слабым, подтягивать отстающих. А вот известный призыв «Алло, мы ищем таланты!» понятен шведам только в шоу-бизнесе. Кроме спорта, еще, пожалуй, в балетные и музыкальные школы идет отбор. Все остальные — равны. Выделять, выбирать из общей массы детей тех, кто хочет и может углубленно заниматься каким-либо предметом, в нашем случае математикой, — это «неполиткорректно». А наша школа как раз сделала ставку на интеллектуально одаренных детей.

И. М. Как же вам удалось выплыть против течения?

А. М. Нас признал один из самых престижных вузов Швеции, Королевский политехнический университет, под крылышко к которому мы теперь и переехали. Любопытно, что вместе с нами на территорию университетского кампуса стали переселяться и Высшая оперная школа, и Внешнеполитический институт, и Высшая школа танца, и Высшая школа обороны, и Архитектурный институт. То есть представители технических и естественных наук живут теперь бок о бок с гуманитариями, и все мы надеемся, что это приведет к взаимному обогащению. Весной этого года был создан совет кампуса, и мы в нем — единственная средняя школа. Остальные — вузы. Мы подходим этому конгломерату вузов всем, даже названием, то есть именем Ковалевской, первой женщины — профессора математики.

И. М. Таким образом, ваша школа станет кузницей кадров для одного из самых престижных вузов Швеции? Где математику преподают, кстати, и приглашенные из России профессора. Я знаю, что они жалуются на

невысокий уровень подготовки первокурсников...

А. М. Вот в нашу школу и повели детей родители, которые тоже недовольны тем уровнем знаний, который

дает обычная шведская школа. Даже если за учебу в нашей школе не надо платить, как в частной школе, тем не менее: ребенка надо возить на другой конец города, надо забирать оттуда, надо следить за тем, делает ли он уроки. Да и сам ребенок может чувствовать себя ущемленным: другие дети уже бегают возле дома, а он еще только едет на метро или автобусе... Конечно, это дополнительные проблемы, порой лишние расходы, и родителям надо иметь серьезные основания, чтобы все это на себя взвалить.

И. М. Так вернемся к началу начал...

А. М. Начиналось все с добровольных кружков, куда русскоязычные дети собирались на дополнительные занятия в свободное время. Прежде всего, по математике, где недостатки шведского образования были очевидными. Потом присоединилась русская литература, история. Это была частная инициатива родителей-энтузиастов, которые готовы были бороться не только за достойный уровень знаний для своих детей, но и за их русский язык. Поэтому в нашей школе осуществляется модель двуязычных классов, которая тоже уникальна для Швеции. Мы объединяем в каждом классе детей, говорящих и не говорящих по-русски. Мы ведь принимаем всех, не только русских детей.

Как правило, второе поколение эмигрантов уже не знает русского языка. Дети из русских семей, родившиеся в Швеции, прошедшие шведский детский сад, общаются со своими сверстниками по-шведски. Родители

очень редко вкладывают свои силы в обучение детей русскому языку дома. Детишки переходят целиком на шведский, и многие родители воспринимают нашу школу как единственный шанс вернуть детям родной русский язык. Это огромный труд. Если поговорить с нашими учителями русского языка, они расскажут о своей истинной героической борьбе за язык, которую им приходится вести. Мы преподаем русский два-три раза в неделю, в зависимости от класса, но сам факт существования нашей школы внушает надежду. Родители, которым в эмиграции удается сохранить русский язык у своих детей, это скорее исключение, чем правило. В нашей школе у детей есть возможность общения, как со своими сверстниками, так и со взрослыми, помимо уроков русского языка.

И. М. С какими ограничениями вам приходится мириться? Вы ведь должны соблюдать шведские правила и, например, не ставить отметок раньше восьмого класса?

А. М. У русских родителей уходит несколько лет на знакомство со шведской системой образования и на то, чтобы с ней, по крайней мере, смириться. Многие мамы, которые приводят к нам своих детей — это недавно прибывшие в Швецию русские жены шведских мужей. Они просто в шоке. Чем мотивировать детей, если нет отметок?

Мы пытаемся найти какой-то выход. Вводим свою систему оценок — она не обязательно должна быть выражена цифрами. К счастью, в последнее время в Швеции начинают обсуждать, насколько важно, чтобы информация о том, на каком уровне находится ребенок, доходила до родителей. Мы изначально считали, что родители должны быть в курсе школьных дел своих детей. А в какой форме это делать — цифровой, устной или письменной — не так важно.

И. М. Большое место шведской школы — это дисциплина. Вернее, ее отсутствие. На шведов слово «дисциплина» действует, как красная тряпка на быка. Возникают ассоциации с такими понятиями, как диктатура, авторитарный режим, насилие над личностью. И все-таки вам удается добиться рабочей обстановки в классе, тишины на уроках, не повышая при этом голоса, не криком, не стуком кулака по столу.

А. М. Никакого физического или психического воздействия! Это в Швеции запрещено законом. Даже пощечину своему оболтусу и в полицию угодить недолго.

Мы пользуемся шведскими методами: не родительское собрание прежних времен, знакомое многим

российским читателям, когда мать или отец стыдили в присутствии остальных за неправильное воспитание дитяти, а индивидуальные беседы с глазу на глаз.

Никогда ученика у нас не позорят перед всем классом. С каждым беседуют отдельно, с его родителями — отдельно, и только если ребенок не возражает, можно пригласить его маму (чаще все-таки маму) и разговаривать втроем. Ни другие дети, ни другие родители присутствовать при этом ни в коем случае не могут.

Да, дети в Швеции не встают, когда в класс входит учитель. Но в первом классе учитель стоит у двери и каждому малышу пожимает руку со словами: «Здравствуй, меня зовут Анна, я твоя учительница». А малыш ей отвечает: «Привет, меня зовут Стен». В Швеции все обращаются друг к другу на «ты», и ученики к учителям тоже. К ребенку относятся как к человеку с самого раннего возраста.

Но не всё у нас тихо да гладь, и нам в прошлом году пришлось-таки исключить из школы одну девушку, уже старшеклассницу. Не справились с ней ни мы, ни родители. Такое для Швеции — большая редкость. Мы рисковали не только репутацией школы — на нас могли быть поданы и заявления в полицию, и жалобы в высшие школьные инстанции. А ведь мы полгода вели собеседования с родителями. Не помогло.

И. М. Не получилась ли общая картина несколько искаженной из-за того, что мы подчеркивали то, чем ваша школа отличается от обычных шведских школ? Ведь на самом деле, если говорить об общих чертах, вашу школу приближает с ними многое.

А. М. Разумеется. В шведской школе очень много такого, чему, наверное, не помешало бы поучиться и в России. Развиваемое у ребенка умение жить в коллективе и срабатывать с людьми не менее важно, чем знание того или иного школьного предмета. В российских школах отбор начинается, по мнению многих родителей, слишком рано. Отстающие дети не получают необходимой помощи, не поощряются к учебе, до них не доходят руки и не хватает ресурсов. Таким детям очень трудно потом будет пробиться в жизни. Здесь, в Швеции, такие дети окружены особым вниманием, им будут давать всё новые и новые шансы себя проявить. Не на одном поприще, так на другом.

